

«И физики — младшие братья...»

Не очень давно, с небольшим интервалом в 2011 и 2012 годах, вышли два тома воспоминаний о Математико-механическом факультете Ленинградского государственного университета, и вот уже передо мной лежит большой том воспоминаний о Физическом факультете тех, кто учился и работал там в 1960—1970-е годы.

Когда-то я сам мечтал поступить на физфак ЛГУ, занимался в кружках, готовился, но... в приемной комиссии мне сообщили, что с моим зрением (а зрение было действительно слабым) на физфак не берут. Очень возможно, что причиной отказа было не только и не столько зрение, ибо времена были, как сейчас говорят, неоднозначные. Я поступил на матмех — и никогда потом не пожалел об этом, хотя стал... экономистом. Дело в том, что на матмехе была такая атмосфера свободы, интеллектуального поиска, уважения к истине и ее доказательству, к логике, которая как нельзя лучше, на мой взгляд, отвечала запросам юности. Не любить матмех 1960-х было невозможно!

А что же Физический факультет?! Как было там — вот что меня интересовало больше всего, когда я брал эту книгу в руки. Была ли там эта атмосфера свободы? Ведь это зависело не только от самой науки, физики, для которой

Шестидесятые годы на физфаке ЛГУ: сборник воспоминаний
/ Сост. Э. Буторина, Е. Друкарев,
А. Лавров, И. Погодин,
В. Федоров. Вып. I.
СПб.: Изд-во ФБГУ «ЛИЯФ»,
2012. 656 с.

ЭПШТЕЙН Давид Беркович — главный научный сотрудник Северо-Западного научно-исследовательского института экономики и организации сельского хозяйства (СЗ НИЭСХ) Российской академии сельскохозяйственных наук, профессор, доктор экономических наук, выпускник Математико-механического факультета ЛГУ 1968 года.

свобода творчества безусловно необходима, но и от состава и уровня преподавателей — человеческого и профессионального.

Сборник состоит из двух разделов. Первый, «Наши наставники», посвящен воспоминаниям о профессорах и преподавателях факультета, а второй, «Наша учеба и жизнь», — это хронологически расположенные воспоминания студентов, где есть, разумеется, немало слов о профессорах и преподавателях, но в целом — это весьма подробные впечатления от учебы и жизни на факультете и вне его. И это очень важно сегодня, когда мы встречаемся в основном или с полным отрицанием советского периода как времени «лицемерия и партийно-бюрократической диктатуры», или с розово-ностальгическими впечатлениями. А жизнь была многоцветной! И ценность этого сборника в том, что он не одноцветный, а многокрасочный, яркий, при этом общее впечатление — очень светлое. А насчет атмосферы свободы и честного интеллектуального труда — могу теперь сказать уверенно, она была тогда на физфаке! Конечно, чтобы убедиться в этом, надо прочесть самому весь сборник; но некоторые иллюстрации дадут, например, следующие выдержки.

«Мне довелось учиться в Ленинградском университете не только в эпоху СССР, но и одновременно в доэкологическую эпоху. У нас было бесплатное образование, у нас была великая страна, солнце было желтым и ласковым, до озоновых дыр было еще далеко, а олигархи могли присниться только в страшном сне» (*В. М. Уваров. С. 451*).

«...Сама атмосфера на факультете впитала в полной мере весь дух университетской свободы, и, надышавшись за пять с половиной лет учебы этим замечательным воздухом, ты заряжался на всю жизнь и мог оставаться и в дальнейшем достаточно свободным и независимым, без чего, по-видимому, невозможно ни научное творчество, ни просто сколь-нибудь нормальное человеческое существование... На физфаке мы жили, как в хорошей семье, где мудрые родители дают своему чаду самостоятельно развиваться, всемерно заботясь о нем и лишь временами ненавязчиво направляя это развитие в нужную сторону» (*В. Ю. Горелов. С. 477, 485*).

«Наши учителя были глыбами той эпохи, были частью одного мощного интеллектуального тела, определявшего лицо факультета, его высокий моральный и научный уровень. Они пытались сделать из нас настоящих ученых, широко образованных, с твердым и ясным мировоззрением, и делали это с большим тактом, чувством юмора и с любовью к своему предмету и к нам» (*В. А. Веллинг. С. 363*).

С огромным уважением, но при этом с юмором и задором, авторы воспоминаний делятся неожиданными наблюдениями о В. А. Фоке, Н. А. Толстом, В. И. Валькове, А. М. Шухтине, А. Д. Александрове, М. Ф. Широкове, Г. Ф. Друкареве, А. Н. Лазареве, Г. И. Петрашине и М. И. Петрашень, С. И. Каплуновском и многих других.

Определялась атмосфера на факультете и характером самой науки — физики, и характером той эпохи, сделавшей физику (и математику) своим символом. Прав один из авторов сборника: «То, что физическая, естественнонаучная картина мира стояла во главе образования и являлась стержнем общественного сознания, было исключительно важно и продуктивно. Ни до, ни после этой эпохи такого не было» (*Ю. Б. Магаршак. С. 213*).

А какой еще была атмосфера в стране, как она оценивается сегодня, как она корреспондировала с атмосферой на физфаке, дополняла ее или резко противоречила ей?! Вот тут обнаруживаются заметные разногласия, связанные, думается, не только с реальной противоречивостью СССР 1960—1970-х годов, но и с тем, что писали воспоминания очень разные люди, пришедшие на факультет из разных городов и школ, с разным социальным опытом. Не стоит забывать и того, что сегодня позади 25 лет, когда в СМИ культивировалось преимущественно негативное отношение к тем временам... Немалая часть, тем не менее, высказывает оценки, резко отличающиеся от мейнстримовских. Вот некоторые примеры.

«Школа и физфак дали мне бесконечно много: друзей, профессию, умение жить и работать в коллективе, умение оставаться оптимистом в очень непростых ситуациях. Мое поколение детей Победы приняло эстафету поколения фронтовиков и поколения, родившегося перед войной, и вместе с ними мы превратили полуразрушенный войной Советский Союз в государство—лидера в научно-техническом прогрессе, в образовании, в искусстве» (А. Лавров. С. 438).

«Сейчас, когда мне уже за шестьдесят, мне кажется, что громадным положительным моментом в жизни во времена СССР была стабильность. Оглядываясь сегодня вокруг себя, я пытаюсь сформулировать главное в современной жизни — ее неустойчивость. До сих пор не ясно, к чему мы придем...» (Р. И. Шарибджанов. С. 465).

Но немало в сборнике и критики советского периода. «...Сколько же некачественной кладки вижу я с тех пор наметанным взглядом каменщика в стенах советского периода: “шов на шов”, “пустые швы”, небрежная расшивка... В кладках дореволюционных стен такого, надо сказать, не наблюдается... Над лезущей из всех щелей ритуальностью советской пропаганды вообще шутили разнообразно. То во время так называемого агитпохода за город в ноябрьские праздники устраивали на лесной полянке (без посторонних зрителей, для собственного удовольствия) пародию на ноябрьскую демонстрацию, перед выходом на которую каждый наряжался, как хотел. Кто-то из девочек повязывал красную косынку вокруг головы... и выходил “с плакатным выражением лица”, кто-то из мальчиков наряжался одноглазым пиратом, закрыв один глаз черной повязкой и нарисовав себе углем заливчатские усы...» (М. А. Шеляховская (Груздева). С. 471, 474).

Есть в сборнике и внутренняя полемика поколения 1960—1970-х годов: «Это было время выхода в космос, время серьезных научных открытий, время огромных строек и освоения целины. Во многих этих стройках участвовали студенческие отряды нашего Университета. Мы были романтиками, мы хорошо учились, много работали и гордились своим факультетом, своим Университетом, своей страной... Да, именно так мы воспринимали жизнь, хотя, как оказалось позже, среди нас жили другие люди — “с фигой в кармане” и с “камнем за пазухой”. Как их жалко, ведь они так безрадостно провели свою юность. Но, возможно, сейчас они компенсируют свои моральные потери. Современная жизнь, современная идеология, состояние современного общества — это то, к чему они стремились. Порадуемся за них!» (Н. М. Анодина (Андриевская). С. 169—170).

Но два направления студенческой жизни физфака воспринимаются явным большинством авторов вполне положительно: это комсомол и студен-

ческие строительные отряды (ССО). Комсомол в 1960-е годы на физфаке был очень активен и доставлял своей принципиальностью и новаторством много хлопот вышестоящим организациям. В сборнике немало воспоминаний о том, как физфаковцы создавали студенческие академсоветы для воздействия на учебный процесс и распределения стипендий, которые реально работали и многим помогали, как выпускали необыкновенно большие и очень содержательные стенгазеты, пели в знаменитом физфаковском хоре, ходили с энтузиазмом на демонстрации и в рейды оперотрядов, готовили и проводили «День физфака», управляли общежитием и т. д.

«На первом курсе меня выбрали комсоргом 12-й группы, и заслужил я на всю жизнь от Володи Громова почетное звание комиссара. Сменил меня прекрасный мой товарищ, энергичный, неравнодушный Саша Шипунов. Был я делегатом всех факультетских и большинства университетских комсомольских конференций. Так что работа моя в общежитии была конкретной комсомольской работой. Это была хорошая школа...» И далее следует длинный список тех, кто много работал в общежитии.

«“Мужики”... — это были комсомольские активисты, но ошибется тот, кто вообразит унылого карьериста 1970-х. “Мужики” были симпатичные и способные ребята, а из среды однокашников их выделял общественный темперамент. Активность их была разнообразной, но душу они вкладывали в стройотряды...» (К. Е. Воеводский. С. 505).

Был у комсомола физфака в конце 1960-х годов и серьезный конфликт с «верхами» в понимании задач организации, о котором вспоминают несколько авторов. Мы не будем здесь на этом останавливаться, учитывая ограниченный формат публикации.

А вот высказывания о ССО: «Истово относились на физфаке к студенческим строительным отрядам (ССО). Здесь были непонятны формулировки, долетавшие из других вузов: “поехать по разнарядке” — плановые ограничения если и бывали, то практически всегда только “сверху”... В стройотряды рвались все, сюда проходили конкурсный отбор: юноши — до двух-трех человек на место, девушки — по 6—10 человек на место. География ССО охватывала всю страну» (И. Е. Погодин. С. 528—529).

Приведем и мнение одного из студентов 1970-х годов о студенческих строительных отрядах:

«ВССО — Всесоюзный студенческий строительный отряд! Да... “богатыри не вы!” Какое это было прекрасное время, прекрасное, сплошь пропитанное романтикой и верой, верой в светлое будущее! (Несмотря ни на что...) Действительно, это было богатырское, действительно все союзное движение молодежи. Не зря про времена слагались такие песни:

А я еду, а я еду за туманом.
За деньгами едут только дураки!

И как все перевернулось с точностью до наоборот...

А я еду, а я еду за деньгами.
За туманом едут только дураки!»

(А. Б. Булах. С. 620).

Как видно, не все активисты 1970-х годов были «унылыми карьеристами».

Впрочем, и у сугубо позитивной точки зрения на студенческие строительные отряды есть оппоненты в сборнике, хотя их и немного. Вот мнение

одного из них: «Сейчас я понимаю, что стройотряды страдали всеми теми же недостатками, что и вся советская экономика, малоэффективная, основанная на мелких, а иногда и крупных приписках... Однако мы работали с искренним энтузиазмом, и если путем штурмовщины делали все вовремя, то могли рассчитывать на аккордную, более высокую оплату» (С. А. Трушкин. С. 570).

Как профессиональный экономист, могу уверенно сказать, что советская экономика, несмотря на ее постепенно снижающуюся с 1970-х годов эффективность из-за чрезмерной централизации, тем не менее, росла и, уж конечно, была основана не «на мелких, а иногда и крупных приписках», а на детальном планировании развития отраслей материального производства. Поэтому в отношении основных фондов — базы экономики — мы до сих пор в основном проедаем созданный в советский период потенциал.

Но от воспоминаний такого рода и нельзя, конечно, требовать полной достоверности. Если автор в одном месте сообщает, что средняя заработная плата рабочего в начале 1970-х (судя по возрасту автора) была 70 рублей, а на следующей странице о том, что средняя зарплата по стране была 120—140 рублей, то для выяснения, какой она была в действительности, стоит обратиться к статистике и узнать, что в 1970 году средняя зарплата в народном хозяйстве составляла не 70, а 122 рубля в месяц, а рабочего в промышленности — 130,6 рубля в месяц, в 1975-м — соответственно 145,8 и 165,9 рубля в месяц.

В сборнике можно прочесть мимоходом сказанное со слов «школьных товарищей», что «весь наш морской флот использовал исключительно заморские системы навигации», потому что нашим системам не доверяли (С. 619). Я обратился к офицерам, служившим в 1970—1980-е годы на подводных лодках, а также к одному из специалистов по навигационным системам того времени. Все категорически отвергли утверждение о «заморских системах». Там же используемый одним из профессоров физфака в середине 1970-х годов язык программирования «Фортран» назван мимоходом «древнейшим диалектом». Как программист с десятилетним стажем могу сказать, что «Фортран» широко использовался во всем мире и используется сейчас для решения научных задач. Это язык высокого уровня, и если имеются готовые работающие специализированные программы, то переписывать их на другой, «более модный» язык не имеет ни малейшего смысла. В целом бытующее, иногда не вполне понятное, стремление мимоходом «пнуть» советский период, к сожалению, нашло свое отражение в сборнике.

Но есть в сборнике и намного более содержательные, яркие попытки сопоставления «нынешней и той» эпох, опирающиеся не на критику «скудной политекономии социализма» и формализм пропаганды, с одной стороны, и отсутствие цензуры и свободу зарабатывания, с другой: «Позади оставалась эпоха, в которой, при всех ее серьезных недостатках, в голодном Петрограде 1918—1922 гг. создавались ГОИ, ФТИ, БДТ, эпоха, в которой мальчишка с соломенной есенинской копной волос, первый грамотный в большой крестьянской семье, из незалежной теперь Украины, после физфака мог одним из первых в выпуске 1971 г. стать кандидатом, а затем доктором наук. Впереди надвигалась эпоха с единственным идеалом “золотого тельца”, эпоха, в которой гусеницы бульдозеров сотрут открывший стране космическую эру ГИПХ, расчищая место тучам торгово-развлекательных комплексов,

эпоха, в которой сотни тысяч лучших мозгов будут выдавлены из страны (в этом людском море покажется песчинкой знаменитый “философский пароход”), эпоха, в которой в красную книгу попадут не только отечественная наука, но также бесплатные образование и медицина...» (*И. Е. Погдин. С. 518—519*).

В общем сборник получился очень интересным, качественным и поучительным, особенно для тех, кто будет изучать ту эпоху. Живые воспоминания — вот наиболее достоверный источник для понимания жизни и атмосферы эпохи.

А почему физики — младшие братья? Так это слова из студенческого «Гимна матмеха»... И сборник у них вышел после матмеховского...

Но где же сборники биологов, философов, историков, экономистов и других, еще более младших братьев? Неужели они жили менее интересно?! Или не собраты им никак?! Ждем вас, дорогие однокашники, догоняйте! ◆